

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по историографии и источниковедению

Институт истории СССР Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Ответственный редактор
академик
И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

МОСКВА «НАУКА» 1990

О ПРИНЦИПАХ ПОДХОДА К НЕМАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, УРОКИ А. И. НЕУСЫХИНА

Б. Г. Могильницкий

Овладение новым политическим мышлением требует решительного отказа от сложившихся стереотипов в освещении немарксистской историографии. Нуждаются в переосмыслении сами принципы подхода к ее изучению. Не конфронтация, а стремление к диалогу, воссоздание объективной картины развития западной историографии с присущими ему закономерностями должны составлять существенное содержание ее марксистского изучения.

Это, разумеется, не отменяет значения принципа классового анализа, который сохраняет свое основополагающее место в марксистском историографическом исследовании. Историческая наука всегда отражает и защищает определенные классовые интересы, поэтому изучение ее истории необходимо предполагает выяснение социально-классовых истоков исторических концепций и теорий, равно как и их идейной направленности. Однако классовый подход не должен превращаться в универсальную отмычку, подменяющую собственно историографический анализ, и тем более сводиться к навешиванию идеологических ярлыков. Подобная практика, имевшая место в прошлом, лишь компрометировала принцип классового анализа, не позволяла раскрыть его действительно большие познавательные возможности. Очищенный от всевозможных догматических извращений, он выступает эффективным орудием познания подлинных закономерностей развития исторической науки.

В числе этих закономерностей одну из важнейших образует взаимодействие между марксистской и немарксистской историко-теоретической мыслью. Вопрос об этом взаимодействии принадлежит к числу наименее разработанных в советской науке. Распространенный взгляд, подчеркивающий антагонистический характер отношений между марксистской и немарксистской, прежде всего буржуазной, историографией, далеко не исчерпывает всего их действительного содержания; их характеризует не только конфронтация, но и определенное взаимовлияние, без учета которого невозможно понять закономерности развития исторического познания во второй половине XIX—XX в.

Разработка принципов подхода к немарксистской историографии должна опираться на лучшие традиции в ее освещении. В этом плане значительный интерес представляет историографическое наследие А. И. Неусыхина, в особенности его работы 20-х годов. До настоящего времени эти работы не привлекали специального внимания исследователей. Между тем они созвучны

сегодняшним поискам ученых по вопросу о характере и целях историографического исследования, общих принципах взаимоотношения между марксистской и немарксистской наукой.

В исторической науке, как и в обществоведении в целом, шла острая борьба между творческим и догматическим марксизмом. А. И. Неусыхин рано понял опасность догматизации марксизма. Уже в 1924 г. в рецензии на книгу В. В. Адоратского «Научный коммунизм Карла Маркса» (М., 1923) он, усматривая основной ее недостаток в догматичности, подчеркивал: «Черта очень опасная, ибо она может вызвать у неподготовленного читателя представление о самом методе Маркса как о чем-то догматическом, что, конечно, было бы искажением его характера»³². Актуальным остается предостережение молодого ученого о недопустимости декларативного подхода в изучении марксистского исторического метода. «Мало твердить о гибкости метода Маркса и о диалектичности исторического развития,— писал он,— нужно уметь живо и наглядно показать эту гибкость и диалектичность»³³.

Позже А. И. Неусыхин проницательно отмечает другое опасное и «весьма печальное для всякого искреннего и желающего прогресса научной мысли марксиста» явление — «это власть слов, это то, что Бэкон Веруламский называл «*idola fori*». Поясняя свою мысль, он продолжает: «У нас ведь принято так говорить: „Раз Риккерт — то уже все с ним связанное — от дьявола. Все, что от Маркса, уже тем самым хорошо, не потому, что это хорошо, а потому, что от Маркса”»³⁴.

Действительно, в исторической практике объективный анализ той или иной исторической концепции зачастую подменяла «власть слов», когда данная концепция априорно отвергалась (или, напротив, принималась) в зависимости от идеологической оценки ее автора.

В 20-е годы эта «власть слов» особенно ярко проявилась в ходе известного диспута о книге Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М., 1928), проходившего на заседаниях социологической секции Общества историков-марксистов 30 марта и 6 апреля 1928 г. Без сколько-нибудь серьезного разбора содержащейся в книге концепции она была заклеяна большинством участников диспута как антимарксистская на том основании, что автор разделял некоторые положения М. Вебера и А. Допша. Именно против такого способа полемики решительно выступили на диспуте А. И. Неусыхин и Е. А. Косминский. Они, в особенности Неусыхин, подверглись за это жесткой критике³⁵. Однако именно высказанные ими соображения в наибольшей степени отвечают современным требованиям марксистского историографического анализа.

В своем выступлении на диспуте Неусыхин противопоставил «власти слов» в историографическом исследовании принцип всестороннего изучения рассматриваемой теории. «Критика всякой теории прежде всего должна быть имманентна, т. е.,— по-

яснял он,— должно понять эту теорию изнутри и затем уже преодолеть ее соответствующим образом»³⁶. Но означает ли такая критика отказ от мировоззренческого подхода к рассматриваемому объекту?

На первый взгляд кажется, что Неусыхин давал своим критикам определенное основание для подобного обвинения. Он прямо говорил: «...когда мы изучаем какое-либо явление действительности, то мы можем и должны изучать его объективно в том смысле, что мы субъективно должны отвлечься от тех элементов нашего общего мировоззрения, которые могут быть привнесены в самый процесс изучения». Еще более уязвимо для догматической критики другое положение ученого, высказанное на том же диспуте. «Я считаю,— заявлял он,— что то или иное решение конкретных специальных проблем истории, т. е. самый результат специального исследования,— особенно по отношению к другим эпохам,— в сущности говоря, индифферентно к марксизму»³⁷.

Однако сопоставление этих высказываний в общем контексте развивавшихся Неусыхиным взглядов на природу исторического и историографического познания позволяет прийти к иным выводам. По существу здесь идет речь не об отказе от мировоззренческого подхода в историческом (и историографическом) исследовании, а о недопустимости подмены такого исследования идеологическими спекуляциями.

Борьба Неусыхина за объективность исторического познания имела большое значение в условиях складывавшегося культа личности Сталина и его всевозраставшего негативного влияния на советскую историческую науку. Мировоззренческий же подход, свободный от идеологических спекуляций, составлял у Неусыхина неотъемлемый элемент его «имманентной критики» немарксистских теорий.

В 1927 г. в журнале «Под знаменем марксизма» был опубликован большой очерк А. И. Неусыхина «„Эмпирическая социология“ Макса Вебера и логика исторической науки», который сохраняет свое значение как пример подлинно научного подхода к освещению немарксистской историографии.

Цель своей работы Неусыхин сформулировал следующим образом: «Выделить из богатого идейного наследства М. Вебера то, что представляется автору особенно ценным, и указать, какие выводы могут быть сделаны из некоторых идей и методологических приемов М. Вебера»³⁸. Отмечая влияние на построения Вебера идей Г. Риккерта и К. Маркса, он считал необходимым выделить обе эти струи в творчестве немецкого мыслителя и определить основное направление его эволюции³⁹. В статье, однако, он рассмотрел лишь одну струю (влияние Маркса).

Отмечая большое влияние исторического материализма на историко-социологические обобщения М. Вебера, Неусыхин подчеркивал, что «во-первых, это влияние не было пассивно воспринято Вебером, а очень своеобразно им переработано; во-

вторых, оно не вытеснило влияния Риккерта, а переплелось с ним, превратив ориентирующую нить Риккерта в сложный клубок оригинальных и интересных мыслей»⁴⁰.

Распутывая этот клубок, Неусыхин обращался к тем работам Вебера, «в которых ему удалось соединить историческое и социологическое освещение явлений» и благодаря этому предложить «чрезвычайно оригинальные способы и методы решения» конкретно-исторических проблем. Это «Город» и в особенности «Протестантская этика и дух капитализма», которые и подвергаются тщательному анализу под указанным автором углом зрения.

Подчеркивая, что «в процессе изложения историко-социологических построений Вебера перед нашим умственным взором все время вырисовывается... силуэт мыслителя, как бы незримо руководящего Вебером», и отмечая, что «это несомненно силуэт Маркса»⁴¹, Неусыхин подвергает в этом плане глубокому исследованию сам метод изучения немецким ученым протестантизма. Ибо влияние марксизма сказалось прежде всего именно на методе Вебера, равно как и на проблематике его исследований. От К. Маркса, указывает Неусыхин, шел интерес к самой проблеме капитализма и понимание его историчности как общественной формации. «Только это понимание...— продолжает он,— и сделало возможной постановку вопроса о происхождении капитализма в качестве центральной проблемы всего веберовского исследования религиозной этики протестантизма»⁴².

Итак, внимание обоих мыслителей привлекала одна и та же проблема, но подходили они к ее изучению с разных сторон. В то время как К. Маркса привел к ней анализ производственных отношений капиталистического общества, М. Вебера интересовал вопрос о генезисе хозяйственной идеологии буржуазии. Так он пришел к своему пониманию «капиталистического духа» и вопросу о его возникновении. При этом Неусыхин справедливо подчеркивает, что в такой постановке вопроса нет ничего идеалистического и тем более мистического. Это «в высшей степени реальный исторический феномен, представляющий собою известную совокупность норм хозяйственной этики, приемов и методов хозяйствования»⁴³. Обосновывая это положение, ученый на большом историографическом материале раскрывает несомненное сходство К. Маркса и М. Вебера в оценке протестантизма как буржуазной идеологии.

Однако, отмечая моменты, сближающие позиции этих мыслителей, Неусыхин отнюдь не преувеличивает их действительное значение, не пытается «улучшить» Вебера, как-то обойти его борьбу против марксистской философии истории. Напротив, он подчеркивает решительное отрицание немецким ученым всякого философского рассмотрения общественного развития, его принципиальный эмпиризм. Но здесь-то и начинается самое интересное для нас. Главные усилия Неусыхина обращены не на критику Вебера за его расхождение с Марксом и стремление преодолеть материалистическое понимание истории, а на выяс-

нение того, что может дать веберовский эмпиризм историческому познанию. Его значение усматривается в попытках конкретизации Марксовых абстракций в процессе исследовательской работы. «Ибо,— продолжает Неусыхин,— попытки Вебера представляют собою поучительный пример того, как можно соединить широкие социологические обобщения с величайшей конкретностью исторического изложения, как можно материалистически (по методу, по крайней мере) анализировать тончайшие нюансы идеологии, ни на минуту не впадая в схематизм»⁴⁴.

По своей теоретической значимости эта постановка вопроса выходила далеко за пределы оценки веберовской «эмпирической социологии». По существу, здесь впервые в советской науке была сформулирована принципиально важная проблема, которая получила дальнейшую разработку в нашей историко-теоретической литературе лишь после XX съезда КПСС: о месте марксистской теории в конкретно-историческом исследовании. Едва ли не первым в советской историографии Неусыхин предостерегал, что простое отрицание Марксовых схем еще далеко не достаточно для историка. Оно чревато схематизацией и догматизацией исторического процесса, если не будет сопровождаться доскональным изучением самой исторической действительности, которая сложнее любой самой правильной схемы⁴⁵.

Спустя четверть века в письме Петрушевскому Неусыхин вновь возвращается к этой мысли. Он подчеркивает, что единственно адекватным исторической действительности способом решения той или иной исторической проблемы является целостное постижение процесса вместо подведения его под готовые формулы. Смысл процесса читатель сможет понять лишь в конкретных понятиях, складывающихся в процессе такого постижения⁴⁶. Здесь, по существу, идет речь о необходимости выработки исторической теории как среднего звена между социологической теорией и исторической действительностью⁴⁷. Важно при этом подчеркнуть, что Неусыхин не ограничивался одними лишь теоретическими рассуждениями. Его известные исследования по раннему западноевропейскому средневековью являются в своей совокупности не чем иным, как обоснованием специфической исторической теории, объясняющей конкретные закономерности становления феодальных отношений у германцев. Эта теория, разумеется, исходит из общих положений марксистского учения об общественно-экономических формациях и их закономерной смене. Но эти положения не образуют жесткого каркаса некоей схемы, насилующей реальную историческую действительность. Скорее, это ориентиры, помогающие постичь последнюю во всем ее многообразии и противоречивости.

Возвращаясь к неусыхинскому анализу историко-социологической теории Вебера, отметим любопытную и, как представляется, весьма плодотворную мысль о возможности «перевода на марксистский язык» некоторых ключевых понятий веберовской социологии. Иными словами, здесь ставится вопрос о возможности

и даже необходимости включения в марксистский контекст результатов, полученных другим путем. Это вопрос о возможности обогащения категориального аппарата марксистской науки за счет понятий, выработанных немарксистской историко-теоретической мыслью зачастую не без прямого или опосредованного влияния марксизма.

В качестве опыта такого перевода Неусыхин приводит несколько примеров. Одним из наиболее интересных в их числе является обращение к понятию «харизма». Как известно, харизматическим господством Вебер назвал «такой тип господства, который психологически основан на каких-либо качествах властителя, выходящих за пределы обычного и повседневного. „Харизма“ иррациональна и враждебна всякому традиционализму; ее психологический источник — авторитет властителя и авторитетность и неоспоримость его высказываний, а отнюдь не уважение к правовым или политическим нормам»⁴⁸.

Давая «перевод» этого понятия, Неусыхин отмечает, что под „повседневностью“ Вебер разумеет исторически сложившийся экономический строй данного общества, а под „харизмой“ — те явления духовного порядка, которые выражают идеологию и психологию нового хозяйственного строя, идущего на смену старому»⁴⁹. Интересна и мысль Вебера о превращении «харизмы» в повседневность, которую приводит Неусыхин: «Харизматический властитель, резко порывающий с традиционными формами экономического быта, вначале относится отрицательно ко всякой традиции, ко всякому быту как таковому. Но как только его деятельность находит отклик в массах, так сейчас же в ней начинают появляться известные элементы традиционализма. Вначале они малозаметны, но постепенно вместо старой традиции создается новая: политический властитель обрастает целым штатом нового чиновничества... Люди, окружающие харизматического властителя, вербуются из новых общественных слоев, идущих на смену старым; он сам — homo novus, и новые люди окружают его...»⁵⁰

Не продолжая далее этот ход мыслей, подчеркнем только, что понятия «харизма», «харизматическая личность» в «марксистском переводе» могут сослужить хорошую службу в осмыслении многих непростых фактов нашей истории. В их числе — и культ Сталина, имевшего несомненные признаки харизматического властителя.

В заключение остановимся на неусыхинской трактовке самой известной и вызывающей в течение многих десятилетий оживленную полемику категории веберовской социологии — категории «идеального типа». К большому сожалению, рассматриваемая здесь работа Неусыхина осталась неоконченной. Не написана ее вторая часть, которая, судя по авторскому замыслу, всецело посвящалась характеристике логической структуры идеально-типических понятий, выяснению того, как Вебер представлял связь идеально-типического и каузального рассмотрения исторических

явлений, как ему удалось преодолеть логику Риккертa и избежать схематизма и т. д. Но даже то небольшое, что содержится в первой части очерка, позволяет более адекватно понять существенное содержание и научное значение этой веберовской категории, чем вся «разоблачительная» литература. Суть последней достаточно точно выражена в Философском энциклопедическом словаре, где утверждается, что «концепция идеальных типов направлена против идеи объективной закономерности и служит методологическим обоснованием плюрализма как принципа исследовательской деятельности»⁵¹. Кстати, в списке литературы к статье о М. Вебере в этом издании работа Неусыхина, конечно, отсутствует. Между тем на сегодняшний день это, пожалуй, единственное в советской литературе специальное исследование, объективно освещающее историко-социологические взгляды М. Вебера вообще и его трактовку идеально-типических понятий в частности.

А. И. Неусыхин и здесь прибегает к переводу веберовской конструкции на «марксистский язык», но к такому переводу, который не только не искажает оригинал, но и помогает понять его более глубоко и адекватно. Начнем с того, что он совершенно справедливо рассматривает обоснование Вебером категории идеально-типического понятия как определенное преодоление риккертianства. Ведь главные отличительные признаки риккертского понятия «исторический индивидуум», от которого отталкивается Вебер,— его неповторимость и своеобразие. Именно неповторимость и делает известное историческое явление историческим индивидуумом. Основная же цель Вебера, замечает Неусыхин,— «нахождение повторяющегося в своеобразном, общего в индивидуальном»⁵².

А. И. Неусыхин настойчиво подчеркивает объективно-историческую фактуру идеально-типического понятия. Для его конструирования в исторической действительности «отыскиваются именно те... черты, которые являются наиболее характерными и существенными для нее», но они «взяты в их идеальном виде, т. е. в том виде, в котором они никогда не могут существовать ни в какой конкретной действительности, но который они примут, если логически продумать их до последних пределов»⁵³. В то же время ученый указывает на инструменталистский характер идеально-типического понятия. «...Идеально-типическая конструкция,— поясняет он,— представляет собой своего рода масштаб... для измерения действительных отношений»⁵⁴.

Будучи орудием исторического познания, идеальный тип, таким образом, не тождествен исторической действительности, и в этом смысле он является утопией. Но вместе с тем, подчеркивал Неусыхин на диспуте о книге Петрушевского, он и не трансцендентное должествование. Это «мыслительное усиление известных реальных отношений действительности»⁵⁵. Едва ли поэтому можно безоговорочно согласиться с бытующим у нас взглядом, будто «античность, феодализм, капитализм для

Вебера не объективно существующие отношения, а способы идеальной типизации»⁵⁶⁻⁵⁷. Вся проблематика историко-социологических исследований немецкого ученого непреложно свидетельствует о том, что, например, ранний капитализм был для него бесспорной объективной реальностью. Другое дело, что для объяснения этой реальности он прибегал к мыслительной конструкции — идеально-типическому понятию капитализма. В своем очерке А. И. Неусыхин на конкретных примерах показывает механизм конструирования Вебером идеально-типических понятий, а также их эвристическое значение для исторического познания. Все это позволяет поставить вопрос о возможности использования понятия идеального типа в марксистском историческом исследовании и условиях, ее обеспечивающих.

Я не ставлю своей целью дать общую оценку неусыхинской работе о М. Вебере. Важно показать сам принцип подхода к немарксистской историографии как к диалогу, взаимодействию. В обосновании такого подхода, его практическом осуществлении и состоит поучительный для нас урок выдающегося советского историка-марксиста.

К ИСТОРИИ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ Д. М. ПЕТРУШЕВСКОГО

Ю. Ф. Иванов

13 марта 1897 г. Д. М. Петрушевский защитил в Киевском университете магистерскую диссертацию «Восстание Уота Тайлера», ч. 1 (СПб., 1897). 6 апреля он, только получивший магистерскую степень, пишет В. К. Пискорскому: «Сию в Москве и предаюсь обычным занятиям: поездка в Киев, а потом спешная работа (редактирую Ashley. Economic history and theory. 2 vol.) несколько оторвали меня от занятий 2-й частью «Тайлера». Теперь опять принимаюсь и летом можно бы написать (1-я глава уже готова) все»⁵⁸. Следовательно, первая глава «Черная смерть и рабочее законодательство четырнадцатого века» была готова до поездки в Киев, т. е. до магистерского диспута. Защита прошла успешно, гонорар за книгу У. Д. Эшли, переведенную им, на некоторое время укрепил материальное положение. Впереди же имелись все шансы получить место экстраординарного профессора в Варшавском университете, где на кафедре всеобщей истории открылась вакансия.

В конце сентября 1897 г. Д. М. Петрушевский приехал в Варшаву и приступил к занятиям. К лету он свой труд закончить не успел. Он в университете читал общий курс средних веков, историю Рима, спецкурсы. Первые же лекции принесли ему успех. В письме к Л. Я. Барскову профессор похвалился,